

Особенности восприятия философии Гегеля русской мыслью

Значимость немецкой классической философии для становления русской мысли не является предметом споров. Рождение собственно философской мысли в России относят к началу XIX века и связывают это с восприятием и усвоением немецкой философии. При этом отмечается факт, что происходит это не в официальных академических формах, но в формах непосредственно жизненной заинтересованности – не как задачи школы, но как задачи жизни. По словам Н. Бердяева «Гегель был для русских вершиной человеческой мысли, и у него искали разрешения всех мировых вопросов» [1, с. 114]. И далее следует еще более сильное утверждение, что для русской философии Гегель имел то же значение, какое имел Платон для патристики и Аристотель для схоластики. Именно экзистенциально-жизненное отношение к Гегелю видится центральным для восприятия Гегеля в России и поэтому интересно прочтение Гегеля как учителя жизни, то есть, вопрос насколько полно и адекватно рассматривался Гегель не является в данном случае значимым.

Более того, факт прочтения Гегеля в аспекте смысложизненных вопросов предопределило урезание гегелевских идей в соответствии с поставленными целями. Дело даже не в том, есть ли у самого Гегеля такие идеи и правильно ли они понимались – систематическое и академическое прочтение Гегеля произойдет в русской философии позже. Важным становится совмещение первичного философского акта и тех понятийно-категориальных структур, в которых этот акт совершался. Поскольку увлечение Гегелем совпало с жизненной потребностью философского самоопределения, философия Гегеля стала играть определяющую роль для существования русской мысли. Можно считать этот факт благодатным – русская философия обрела язык достаточно высокого уровня категориальной проработанности и смогла высказать себя (что произошло в философии Вл. Соловьева), можно видеть в этом факте роковое событие и дальнейшее расхождение мыслительно-языковых структур и опытной жизненной основы считать следствием заимствования западной традиции, след-

ствием ухода с собственного основания (славянофилы, Г. Флоровский, С. Хоружий). Но ни первая, ни вторая позиции не опровергают значимость немецкой мысли для русских мыслителей.

Причем, значимость Гегеля не ограничивается ни определенным этапом, ни позитивным принимающим отношением – можно утверждать, что в XIX–XX веках гегелевская философия определяла не только сферу интеллектуальной жизни, но вошла в самую ткань исторических процессов. При рассмотрении мировоззренческих установок западничества и славянофильства достаточно часто проводят различие: славянофилы тяготеют к Шеллингу, западники к Гегелю. Хотя данное сопоставление в общем плане имеет место, но именно гегелевская философия становится краеугольным камнем, на котором оттачивается собственная позиция как западников (по линии принятия Гегеля, хотя и не во всем и не всегда), так и славянофилов, отбрасывающих и подвергающих критике Гегеля.

Особенное значение и влияние на первоначальное освоение гегелевских идей имел Николай Владимирович Станкевич – лицо частное и как бы ничего не совершившее, но на становление русской философии оказавший влияние самой своей личностью. Рано ушедший из жизни, он остался в истории русской мысли живым свидетельством благородства и тишины дружеского расположения ко всему. Многочисленные воспоминания фиксируют простоту и безыскусственность его личности – «точно он был царский сын, не знавший о своем происхождении» (И.С. Тургенев), «серебряный рубль, радующийся величине медного пятака» (А.И. Герцен). Но особенно значим у него отмечаемый многими чистый философский интерес и отсутствие партийной узости, не так уж часто представленные в русской философии позже. Центральный интерес Станкевича – действительное философское мышление, все повороты его философского развития (от Шеллинга через Фихте к Канту и Гегелю) предопределены поисками путей от прекраснодушной мечтательности к полноте и конкретности действительности, причем в истолковании этих понятий он по-гегелевски предостерегает от одномерно плоского эмпирического понимания их. Но и философия Гегеля подвергается критике с позиций *действительной конкретности* – «...Философия есть ход к Абсолютному. Результат ее есть жизнь идеи в самой себе. Наука кончилась. Далее нельзя строить науки и начинается постройка жизни» [цит. по 4, с. 88]. «Вообще, если трудно становится решить что-нибудь, переставай думать и *живи*. В сравнениях и выводах будет кой-что истинное, но верно вполне схватишь вещь только из общего

живого чувства» [цит. по: 3, с. 57]. Если для западноевропейской традиции XIX века характерно понимание Гегеля в аспекте абстрактного панлогизма, то уже у Станкевича четко выявлено движение мысли в направлении истолкования духа как конкретного живого существа. Эта тенденция наиболее полно была реализована И.А. Ильиным, истоки же этой парадигмы в критике «холодного панлогизма» Гегеля и славянофилами, и западниками.

В 30–40 годах гегелевский панлогизм вызывает в европейской философии прямо противоположную тенденцию – поворот к проблемам конкретного человеческого существования, что проявилось в субъективно-иррациональной (С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр) и антропологически-материалистической (Л. Фейербах) трактовках человеческого бытия. И произошло это при отталкивании от философии Гегеля. Подобные процессы происходили и в России. Но для традиций русского освоения Гегеля гораздо более характерна трактовка проблем конкретного человеческого существования и в интуитивистском, и материалистическом ключе изнутри философии Гегеля. Критика панлогизма и рационализма, характерная для многих русских мыслителей, не ставит задачи отбросить разум как таковой. Речь идет об иерархичности разума. Преодоление линейного одномерного панлогизма и самоуверенного абсолютистского рационализма должно быть достигнуто за счет возвышения разума – на основе религиозного философствования это задача обретения высшего духовного зрения посредством приобщения цельности бытия; философия секулярная эту задачу формулирует как проблему превращения разумом (либо интуитивным, либо спекулятивным, либо умозрительным, либо диалектическим) конечных застывших расщепленных форм его.

Итак, особенный интерес русских учеников Гегеля вызвало понятие «конкретной объективности», связанная с задачей возвышения человеческого разума выше своего обычного уровня, поставленная И.В. Киреевским, В своей последней посмертной статье он замечает, что центральный тезис гегелевской системы о «самозарождении разума в сознание по законам строгой неизбежности» разделяется и теми представителями современной образованности, которые никогда не читали Гегеля. Главная слабость и недостаток подобных философов-рационалистов (иронически называемых: «философы-рационалисты – на веру в чужие убеждения») – принятие философии Гегеля «в ее последних результатах, не испытывая верности самого основного процесса» [2, с. 223]. Между тем, сущность филосо-

фии Гегеля заключается в *методе* саморазвития, речь идет о необходимости логико-гносеологического методологического обоснования и испытания собственных воззрений, что предопределило внимание русских последователей Гегеля к такой критической форме мысли как диалектика.

Гегелевский вариант возвышения разума от низшей своей отрывчатой деятельности (*der Verstand*) до высшей формы полного развития (*die Vernunft*) не принимается, поскольку сохраняется отвлеченный характер разума в его отделенности [2, с. 316] от веры. Согласование веры и разума, вытекающее из неизбежного разграничения божественного откровения и человеческого мышления, не имеет задачи вымеривания истин мышления истинами откровения, чтобы таким образом очищать разум от противного вере, необходимо «самый разум поднять выше обыкновенного уровня» [2, с. 318], что есть уже не столько задача интеллектуальная, сколько волевая, касающаяся строя жизни. На мой взгляд, в этом пункте сосредоточены основные расхождения и споры с Гегелем и тех, кого называют западниками, и тех, кто в истории мысли остался с именем славянофилов. И проблема конкретности мышления, и проблема действительности, и понимание диалектики вошли в русскую мысль не столько как проблемы сознания и самосознания, сколько как проблемы строя жизни, действия, практики. Это предопределило и жизненно-трепетные основательные оригинальные прочтения Гегеля, но и стало основой вульгаризации и искажения гегелевской мысли.

Крайности русского восторженного принятия Гегеля и столь же пылкого отбрасывания его можно проследить на примере философского становления М.А. Бакунина и В.Г. Белинского.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №1. С.77–145.
2. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 293–332.
3. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
4. Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 411 с.